

Джону Таргариену снились лед, волки и зимний шторм, который длился вечность.

Он стоял на краю обрыва, твердо упершись одной ногой в белый снег, а другой парил над бесконечной ямой, черной и пустой, манящей его соблазнительными пальцами.

Сердце его забилося в груди, и, как он ни старался, он не мог сдвинуть ноги, не мог отступить от безумия на безопасную землю. Джон хотел было позвать на помощь, но когда он поднял голову, то увидел только сотни волков. На милях и милях они усеивали ландшафт мириадами цветов, но все молчали. Все смотрят.

Воздух был неподвижен, и он чувствовал вкус капель снежинок, висящих в тумане, кусающих его кожу и натирающих ее. Он взглянул вверх — куда угодно, только не в бездну перед ним — и увидел катящиеся черные облака, медленно приближающиеся к нему, выгибающиеся навеки дугой, темные от обещаний, темные от тайн. Ветер свистел вокруг него, сквозь него, облизывая кожу и обжигая щеки горьким холодом.

Он вздрогнул.

— Не бойся, — прошептал ему на ухо голос, нежный и успокаивающий. — Ты здесь дома.

Его голова моталась из стороны в сторону, пытаясь найти источник звука, пытаясь найти...

"Прыжок!"

Он вернулся в пустоту, страх врезался в его грудь, как боевой молот. Он исходил оттуда, он был в этом уверен! Бархатная чернота, казалось, кружилась под его парящей ногой, кружилась вокруг его лодыжки и тянулась к нему, тянулась...

Он отшатнулся, его тело свело судорогой, только чтобы выбить другую ногу и рухнуть вниз, вниз, вниз в темноту. Тишина заключила его в объятия, и он больше не мог видеть ни серого неба, ни армии волков. Он плыл, бестелесный в темноте, и очень, очень одинокий.

Не так! его разум кричал, когда его губы отказывались кричать о помощи. Его язык отяжелел во рту, а глаза наполнились слезами от предательства тела.

Я не хочу быть один! Я не хочу быть забытым!

Одинокий крик волка пронзил пустоту.

— Ты никогда не одинок, — прошептал голос в бездне, зажигая в груди тепло, растекающееся до самых кончиков пальцев.

— Ты дома, со мной.

ooo

Джон скатился с кровати и с глухим стуком упал на пол.

Со стоном он провел рукой по лицу, яростно потирая глаза, чтобы стереть сны. Видения белого снега, воющих волков и черного, черного, черного вторглись в его мысли, и он разочарованно вздохнул, поднимаясь на ноги. Боль пронзила его голову, зазвенела в ушах и зажгла звезды за закрытыми веками. С еще одним раздраженным стоном он слепо потянулся к кубку у своей постели и осушил его одним глотком. Он обжег горло, и он слегка вздрогнул, прежде чем выдохнуть с облегчением, когда волны боли отступили, как прилив.

Каждую ночь, уже целую луну, Джону снились эти сны.

И каждое утро Джон просыпался с жуткой головной болью, с которой не могло сравниться даже его худшее похмелье.

Однажды он подумал, что, возможно, это были не просто сны, а пророческие вещи, как когда-то были Таргариены. Пророчества, которые сочли необходимым вонзиться в его череп и впиться в его веки. Это казалось разумным объяснением. Говорят, что такие сны снились Рейгару в юности, хотя Джону не нравилась идея поделиться этим со своим отцом.

Но он сделал ошибку, однажды упомянув об этом Эйгону, который взвизгнул от смеха, прежде чем назвать его ведьмой и приставать к нему, чтобы он увидел во сне кухарку Барру в своей постели. Это продолжалось несколько недель, и в конце концов Джон усвоил урок.

— Это просто глупые мечты. Это просто глупые сны, — несколько раз бормотал он себе под нос, одеваясь и выходя из комнаты. Казалось, что произнесение этого вслух помогло.

Он вошел в бальный зал Королевы, где его брат и сестра сидели и разговаривали за недоеденными тарелками тостов и яиц, которых рядом с ними явно не было. Короля и королевы не было видно, но это не было чем-то необычным. Король Рейегар часто прерывал пост в одиночестве в своем солярии, а королева Элия либо выполняла свои обязанности, либо отдыхала, согласно приказам мейстера. Они редко ели все вместе.

Зал был его любимым в Крепости Мейгора, украшенный чеканными серебряными зеркалами и богато украшенный резьбой по дереву. Свечи были разбросаны по комнате, тускло танцуя на ветру из открытых окон с высокими арками вдоль южной стены. Его шаги эхом разносились по белому мраморному полу, когда он подошел к столу; длинная декадентская плита из серого камня, украшенная драконьими головами, валирийскими рунами и каракулями с тех пор, как Эйгон держал нож для масла в своей шестилетней ладони и решил сделать ремонт.

Джон прошел мимо зеркал северной стены и мельком взглянул на свое отражение. Он не считал себя тщеславным человеком, но его рот скривился от темных кругов под глазами, лоскутного одеяла синего и пурпурного, обрамляющего серые глаза. Его темно-каштановые волосы торчали пучками вокруг головы, и он быстро провел рукой по растрепанным прядям, пытаясь хоть наполовину походить на принца, которым он должен был быть. На его щеках не было ничего, кроме впалых щек, и он вздрогнул от того, насколько бледной стала его кожа.

— Ты закончил приводить себя в порядок, Джон? Я польщен, что ты хочешь выглядеть для меня как можно лучше, но, боюсь, я невеста.

Воздушный голос Эйгона звучал в его ушах, и Джон мог видеть веселое лицо своего брата через плечо в зеркале. Немного джема попало в уголки рта наследного принца, края изогнулись в невыносимой ухмылке на лице Джона, который скорее пойдет по углям, чем признает, что промазал. От ярко-фиолетовых глаз цвета закатного неба до серебристо-белых прядей его прекрасных волос и небрежной уверенности в плечах человека, который знал, что держит мир в своих руках: Эйгон был во всех отношениях гордый наследник их династии.

Прошло около шести лун с тех пор, как Эйгон и Рейнис переехали на Драконий Камень, чтобы выполнять свои обязанности принца и принцессы, в то время как Джон остался в Королевской Гавани, чтобы помочь своему отцу, и три ночи с тех пор, как они вернулись в столицу в ожидании нового сражения. турнир в честь их свадьбы. Хотя он никогда не говорил им, Джон отчаянно скучал по своим брату и сестре, пока они отсутствовали, и именно эта мысль заставила его улыбнуться, когда он отвернулся от зеркала, чтобы присоединиться к ним за

столом.

— Ты поймал меня, брат, — ответил Джон с примесью ложного стыда в его словах, — и здесь я рассчитывал соблазнить тебя. Он сел напротив Эйгона, а тот залился смехом.

Завтрак был полон выбора, от маленьких башен смазанных маслом тостов и мягких горок пирогов и бекона до корзин с блестящими фруктами, раскрашивающими стол бесчисленными цветами. Джон почувствовал, как его желудок скрутило, как корабль на разъяренных волнах, и вместо этого решил схватить одно из дорнийских яблок, так как после беспокойной ночи у него не было аппетита.

Стук столовых приборов слева привлек его внимание, и он обернулся и увидел Рейнис, их старшую сестру, весело ухмыляющуюся. «После моей короны, не так ли?» — спросила она с притворным гневом. — Я всегда знал, что ты хочешь быть королевой, Джон.

"Виновный. И я завидую твоим красивым платьям.

Она улыбнулась ему, ее темные губы раскрылись, обнажив ряд белых зубов. Там, где Эйгон сиял так же ярко, как солнце, Рейнис сияла, как драгоценный камень в ночи. Она была обернута золотыми шелками, которые целовали ее бронзовую кожу, как любовник, ее тонкие черты были орлиными и мягкими. Ее обсидиановые глаза светились юмором, и он знал, что за грациозной улыбкой она скрывает острый язык. Она откинула на плечо намазанные маслом волосы, и Джон наблюдал, как языки пламени факелов пляшут на черных локонах, словно сумасшедшие во время ритуала.

Все трое были такими же разными, как стихии, но их связывала одна и та же кровь, которая текла в их венах. Кровь Старой Валирии, кровь драконов.

Не то чтобы в то утро он чувствовал себя особенно рептилоидным. Его улыбка исчезла, когда он откусил яблоко, позволив сладкому соку ненадолго остаться на языке, прежде чем с трудом проглотить, его желудок все еще неприятно урчал.

Он почувствовал чью-то руку на своем плече и посмотрел в знающий взгляд сестры.

— Ты плохо спишь, — укоризненно сказала она, нахмутив брови. — Ты похудел с тех пор, как мы уехали.

Джон сдвинулся под ее назойливым взглядом, непривычный к такому вниманию, его разум перебирал оправдания. Ему не особенно хотелось обсуждать свои кошмары, особенно когда они наконец воссоединились после самого тяжелого полугодия в его жизни. Он открыл рот, чтобы отшутиться от ее беспокойства, но Эйгон, как всегда, опередил его.

— Перестань быть наседкой, — фыркнул его брат, — он в порядке, а ты, Джон? Услышав кивок сводного брата, он с энтузиазмом потер руки. «Великолепно! Тогда, если вы не чувствуете себя слишком хрупким, возможно, вам нужен лонжерон? Я умираю за достойную битву за луны!» Он мелодраматически вздохнул, когда сестра закатила на него глаза.

Джону не понадобилось ни секунды на размышление, прежде чем он отшвырнул недоеденное яблоко в сторону и вскочил на ноги. «Я покажу тебе, насколько хрупкой я себя чувствую. А не ___ ли нам?» — сказал он с ухмылкой.

Эйгон послал Рейни воздушный поцелуй на прощание, прежде чем пара помчалась на тренировочную площадку.

Лязг стали пел сладкую песню, которая эхом отдавалась в его костях, пока Джон танцевал под ее легкий ритм.

Он увернулся от порезов Эйгона, нанесенных подушечками пальцев, и в отместку отлетел назад, описав грациозную дугу, которая со свистом пронеслась в воздухе.

Именно здесь, на тренировочном дворе, среди пота, грязи и проклятий, Джон чувствовал себя наиболее свободным. Это было в легкости его шагов и смехе на его губах, и не раз он почти поверил, что парит. Над облаками, нежный, как перышко, стальной поцелуй, холодный, как ветер, на его щеках, вне досягаемости когтей дворца.

Возможно, он чувствовал себя в Красном замке как дома.

Струйки пота бежали по его лицу, пока Эйгон продолжал свой натиск, палящее солнце обжигало его кожу и излучало обжигающий жар, который пронзал его кости. Его грудь начала сжиматься от боли, но он отказывался сдаваться, отвечая на каждый удар брата своим, сильнее и быстрее. Только когда Эйгон уклонился от одного из его ударов, он запнулся и был вознагражден острым укусом в пояснице, от которого он упал на колени и задыхался.

— Уже преклоняешь передо мной колени? — пошутил Эйгон, его слова перемежались тяжелым дыханием, когда он стоял над Джоном, ухмыляясь на его лице. «Я еще не король, но я ценю ваш энтузиазм...»

Остальные его слова были поглощены грязью, когда он ударился лицом о песчаный пол. Джон выбил из-под себя ноги и почувствовал огромное удовлетворение, наблюдая, как наследный принц негодуяще брызгает слюной, а его серебристые волосы покрыты красной пылью, словно пятнами краски.

Джон от души рассмеялся. — Рад встрече, брат. Давненько мне не приходилось так много работать, — сказал он, поднимаясь на ноги.

Эйгон прищурился, увидев протянутую Джоном руку, прежде чем схватить ее, чтобы подняться. — Действительно, хрупкий, — фыркнул он. «Как твоя спина? Сомневаюсь, что Рейнис была бы рада, если бы узнала, что я так быстро жестоко поступил с нашим младшим братом.

Джон протянул руку и вздрогнул, когда его пальцы коснулись позвоночника. Это был не самый сильный удар, который он получил, но он ожидал, что утром появятся милые брызги синяков. «Я буду жить, и вряд ли я твой младший брат», — ответил он с хорошим настроением, когда два принца неторопливо направились к оружейному складу, чтобы передать свои мечи оруженосцам для чистки. «Как твое лицо? Сомневаюсь, что Рейнис была бы признательна, если бы я испортила твою внешность, потому что на самом деле это все, что у тебя есть.

В ответ его брат откинул голову от смеха.

Они только что вошли в Крепость и уже собирались разойтись по своим комнатам, когда увидели Рейнис, быстро идущую к ним по коридору, ее юбки развевались за ней, как крылья.

— Вот видишь, Джон, — Эйгон толкнул его в плечо, пока они смотрели, как она приближается. «Он так влюблен в меня, что не мог дождаться, пока я сначала искупаюсь, прежде чем обнять меня. Найди себе такую женщину». Он ухмыльнулся, прежде чем повернуться к своей невесте.

Рейнис наконец добралась до них и с отвращением взглянула на их заляпанную грязью одежду. Эйгон наклонился для поцелуя, и она подняла руку, чтобы остановить его, ее нос сморщился от отвращения, когда дуновение их едкой вони проникло в ее нос.

«Не прикасайся ко мне, пока не искупаешься. Это новое платье, я не позволю тебе его испортить. Я здесь, чтобы передать тебе сообщение, — приказала она ясным голосом, не обращая внимания на его раненый взгляд. Она расправила плечи, и ее темные глаза впились в каждое из них, ее лицо скривилось в гримасе. — Я подумал, что будет лучше, если я сам сообщу тебе, что король и королева устроили для нас всех совместный ужин сегодня вечером. К нам присоединятся Визерис и Маргери. Оденьтесь соответственно».

Она вздохнула, глядя на ужас на лицах своих братьев, и ждала их вспышек.

«Я не хочу есть вместе! Вис отвлекает меня от ужина, и я не хочу его видеть... — угрюмо начал Эйгон, но один взгляд сестры оборвал его.

— Хоть раз это не о тебе, — отрезала она стальным голосом. Это был тон их матери, и Джон приглушенно хихикнул, когда зубы Эйгона с лязгом сомкнулись с видом упрекаемого ребенка. — Это один ужин, Эгг. Нам это может не нравиться, но Мать настаивает на том, чтобы мы вели себя наилучшим образом, и я не намерен ее разочаровывать». Ее слова не оставляли места для возражений, но мысли Джона были уже далеко.

«Это про кого? Будет ли объявление?» — спросил он сестру, и страх поселился в его сердце. От жалостливого взгляда Рейниса он стал свинцовым, и эйфория от спарринга с братом снова испепелила его рот. Он больше не летал, а погружался все глубже и глубже в плавающий камень, его дыхание сбивалось, когда легкие боролись за воздух.

Эйгон заметил внезапную перемену настроения и перевел взгляд с двух братьев и сестер. — О, да ладно, это может быть что угодно! — нерешительно настаивал он. «Может быть, влагалище Маргери перестало сморщиваться каждый раз, когда Визерис находится в комнате, и через несколько лун у нас вылупится новое отродье ада».

Джон взвыл от смеха, когда Рейнис от возмущения шлепнула своего суженого в грудь.

ooo

В тот вечер он снова был в Бальном зале Королевы, но вместо открытых окон и свежего бриза шторы были задернуты, а комната была задушена бесчисленными факелами, жадно вдыхающими воздух в комнате, так что он едва мог дышать. Темные деревянные панели, которыми он так восхищался, казались черными в золотом свете, зеркала насмешливо отражали мрачные лица десятикратно. Его прекрасный камзол чесался, и он подавил желание поправить его, прижимая руки к бокам.

Смотреть было некуда, поэтому он просто смотрел в тарелку в угрюмом молчании.

Он сидел напротив Визериса и Маргери. Рейнис была рядом с ним, с прямой спиной и осторожно подталкивая свою еду, а рядом с ней Эйгон, сидящий справа от короля, такой неподвижный и неподвижный, насколько, по мнению Джона, он был способен. Король и Королева, согласно протоколу, сидели на противоположных концах стола, расстояние, поглощавшее их, было таким же бесконечным, как миры.

Тишина была тяжелой и густой, как темный яд, и Джон время от времени поднимал глаза, наблюдая за реакцией своей семьи.

Визерис, как обычно, развалился в кресле, потягивая вино и оглядывая комнату с легким отвращением, навсегда запечатлевшимся в его чертах. Джон подумал, не вырос ли он с лошадиным дерьмом в кровати, чтобы выглядеть так. Его жена, Маргери, грациозно восседала рядом с ним, словно величественная принцесса, изящно кусая вареную морковь. Но Джон мог видеть, как уголки ее рта чуть-чуть нахмурились, а сложенные плечи кричали о дискомфорте. Он почти жалел ее. Он никому не пожелал бы такой жизни, но честолюбие было обоюдоострым мечом, и Тиреллы любили хвататься за него обеими руками.

Место рядом с ней было заметно пустым, когда-то принадлежавшим его тете Дейенерис. Он подавил гримасу. Дени невероятно повезло, когда Элия разорвала свою помолвку с Визерисом и передала ее Квентину Мартеллу в знак добросовестности между Короной и Дорном, а Визериса — Тиреллам в награду за их верность. Джон поморщился при воспоминании о ссорах короля и королевы, эхом разносившихся по дворцу, но даже Рейгар смягчился, когда Джон Коннингтон аплодировал Элии за ее решение.

Дорн так и не оправился от пренебрежительного отношения Рейгара к дочери Дома Старков, несмотря на то, что их собственная принцесса была коронована как королева даже через полнолуние после Восстания. Элия была опозорена, и Солнечное Копье потребовало компенсации. Предоставление им сестры Рейгара потушило большую часть пожаров, которые все еще горели два десятилетия спустя, и Джон знал, что письма Дейенерис, пронизанные счастьем, заставили Рейгара стиснуть зубы и уступить его королевской жене.

Джон был доволен тем, что его тетя нашла приключения и любовь, но часть его обижалась на нее — возмущалась на всех их — за то, что она бросила его.

Эйгон оставил его шесть лет назад, чтобы стать оруженосцем Солнечного Копья под наглым оком Оберина Мартелла. Он вернулся всего два года спустя, полный непристойных шуток и историй о женщинах и подвигах, о которых Джон и мечтать не мог. Рейнис составляла ему компанию в то время, и он вырос, чтобы ценить ее тихое, изящное присутствие — но это был только вопрос времени, когда она тоже будет обременена обязанностями наследной принцессы, проживающей на Драконьем Камне и далекой слишком занят, чтобы уделять внимание запасному брату.

Запасной. Его рот скривился, и он сильнее сжал вилку.

«Эйгон». Голос его отца разнесся по всему залу, и краем глаза он увидел, как брат стиснул зубы в ответ.

— Да, ваша милость?

— Ты здесь уже три дня, — продолжал Король. «Есть дела, которые вы должны уделить внимание относительно турнира и свадьбы. Я думал, что какое-то время, проведенное в Драконьем Камне, охладит твою голову, но, похоже, ты так же ненавидишь свои обязанности, как и всегда.

Звнящий звук ознаменовал конец речи короля, и Джон услышал, как Рейнис втянула воздух, когда его голова повернулась к источнику.

Эйгон бросил нож и вилку обратно на тарелку и откинулся на спинку стула, глядя на их отца. Его глаза были черно-фиолетовыми, обещающими летние грозы. «От вас довольно богато, — огрызнулся он. — Ходят слухи, что вы не были в суде две недели. Найти новое пророчество, чтобы разрушить чью-то жизнь, ваша светлость? Последние два слова прозвучали с глубоким презрением.

— Эйгон! — прошипела Рейнис, пытаясь схватить его за руку. Он стряхнул ее.

Король ответил на его яростный взгляд холодным взглядом, бесстрастное выражение его глаз заставило Джона содрогнуться. Это было хуже, подумал он, чем видеть его рассерженным. В Рейегаре была пустота, бездна, которая угрожала поглотить одного целиком, если они достаточно пристально вглядывались в нее. Из-за этого он казался почти бесчеловечным.

Отец открыл было рот, чтобы возразить, но услышался голос Королевы.

— Хватит, Эйгон, — мягко, но железно сказала Элия. "Контролировать себя."

Реакция была мгновенной. Плечи Эйгона, напрягшиеся от ярости, тут же опустились, и он повесил голову, прося прощения. Рейнис тоже расслабилась, и Джон тихо вздохнул, что беда была предотвращена. Каждый раз был один.

Они возобновили прием пищи с меньшим энтузиазмом, что было выдающимся достижением, учитывая отсутствие обилия еды заранее, но к тому времени, когда Джон нашел в себе достаточно сил, чтобы поднести вилку ко рту, король привлек его внимание.

Он почувствовал, как взгляды всех устремились на него, и подавил желание сжаться. — Да, ваша милость?

Рейгар просто наблюдал за ним несколько мгновений, и Джон ерзал на своем месте под его назойливым взглядом. Он ненавидел, когда отец смотрел на него, в его изящных чертах всегда был след печали — и да, горечи. Джон знал, что или кого он видел, и каждый раз это пронзало его тело подобно молнии.

— Этот турнир предназначен не только для Эйгона и Рейнис, — наконец сказал Рейегар, — ты уже видел двадцать именин, и мне не нужно напоминать тебе о твоём долге принца Таргариенов. Поскольку дома вам не на ком жениться, я рассчитываю найти для вас невесту среди Домов, удостоившихся нашего приглашения. Он откинулся на спинку кресла и стал ждать, почти ожидая восстания.

Его сердце забилося в груди, и Джон изо всех сил пытался сделать глубокий вдох, чтобы успокоить свои дрожащие нервы.

Свадьба. Жена. Семья. Долг, исполняй свой долг. Вам ничего не остается, кроме как выполнять свой долг.

Он почувствовал, как его руки начинают дрожать от... страха? Ярость? Он не был уверен. Один быстрый взгляд вокруг комнаты сказал ему, что все смотрят на него зелеными, пурпурными и черными глазами, с жалостью, вызовом и даже злобным ликованием со стороны Визериса. Оно разрывало его, и ему хотелось кричать.

Он был дураком, думая, что Рейгар упустит его из виду. Он прожил так долго, не будучи прикован к помолвке, которой не хотел, и по-детски верил, что может быть — только может быть! - Рейегар, возможно, исполнил свое единственное желание: путешествовать по королевствам и обрести собственную честь. Возможно, установить имя, которое не было обременено кровью тысяч и смертью Восстания. Это была надежда, которая помогала ему каждое утро вставать с постели и тащиться через день, запертый в этой позолоченной красной тюрьме, где он был принцем, но не лучше, чем ублюдком. Вынужден страдать от колкостей и взглядов. Мальчик, чье рождение разорвало мир на части.

Но эта надежда, эта нежная птичка, которая так нежно порхала над его сердцем, была раздавлена, зарезана и похоронена в сером камне.

Помолвка означала брак до истечения года.

Брак означал жену, детей и долг.

Обязанность означала никогда больше не покидать Красный Замок.

В его груди закипела истерия, и он почти не слышал, как Эйгон протестует за его дело, когда мир начал вращаться вокруг него. Как только он подумал, что его вот-вот вырвет, внезапная острая боль пронзила его ноги, и он согнулся пополам, задыхаясь.

«Джон!» — воскликнула Рейнис рядом с ним, легко положив руку ему на спину. Он стиснул зубы и схватился за колени, чувствуя, как пульсация исчезает так же быстро, как и появилась.

— Я... я в порядке, — выдавил он из себя, дымка боли отступила настолько, что он заметил всеобщее потрясение. Жар обжег его щеки, и он избегал смотреть им в глаза, пока поднимался на ноги. Он почувствовал, как слезы начинают затуманивать его зрение. Нет, нет, он не мог плакать здесь. Не перед отцом. Его нельзя было считать таким слабым.

— Можно меня извинить? — в отчаянии спросил он Рейгара. Считалось грубым стоять, пока король сидел, но в тот момент Джону было наплевать на приличия.

По кивку Рейгара Джон вскочил на ноги и бросился к двери, игнорируя крики брата позади него. Он пробежал мимо Артура и Хайме у двери, избегая их вопросительных взглядов, пока его ноги стучали по мраморному полу в его спальню.

Оказавшись внутри, он запер двери и рухнул на пол, изо всех сил пытаясь контролировать свое дыхание.

Глупый, глупый, глупый! — сердито подумал он. Теперь он никогда не послушает тебя! Я не могу быть такой эмоциональной развалиной каждый раз, когда вижу его!

Его плечи вздрогнули, когда он сгорбился, позволив волнам жалости захлестнуть его, охлаждая кожу.

В мгновение ока он вспомнил резкую боль в коленях, исчезнувшую так же быстро, как и появилась. Нахмурившись, он снял ботинки и закатал бриджи повыше, чтобы посмотреть, не поцарапал ли он что-нибудь случайно, хотя он не мог припомнить никаких синяков, когда принимал ванну ранее.

Кожа была гладкой и нетронутой. Он осторожно подтолкнул его, но ничего не произошло.

Просто странный момент, рассеянно подумал он, когда поднялся на ноги и бросился на кровать, полностью одетый.

Мгновение сердцебиения спустя он уже спал.